

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S160578800022751-2

**Ходель Р. Андрей Платонов: родина и электричество / Роберт Ходель;
Международный Платоновский семинар. М.: Полимедиа, 2021. 206 с.;
(Поэтика Андрея Платонова; вып. 5)**

**[Review:] *Hodel R. Andrey Platonov: Homeland and Electricity / Robert Hodel;
International Platonic Seminar. Moscow, Polymedia, 2021. 206 p.;
(Poetics of Andrey Platonov; issue 5) [In Russ.]***

Новая книга известного специалиста в области изучения творческого наследия А. Платонова “Андрей Платонов: родина и электричество” — это существенное событие в филологической жизни. Исследование является результатом многолетней и весьма продуктивной работы швейцарского филолога, книга получилась в высшей степени интересной, по-новому ставя старые вопросы платоноведения, выявляя новые оригинальные перспективы их решения, открывая новые ресурсы в понимании смыслов, которые вкладывал писатель в свои тексты. В аннотации к книге верно подмечена особенность стиля профессора Р. Ходеля: органическое сочетание чисто литературоведческого и философского подходов, что делает чтение книги чрезвычайно увлекательным занятием, думается, не только для специалистов, но и для любого читателя, испытывающего интерес к творчеству А. Платонова. Внимание исследователя сосредоточено преимущественно на “большой” форме и, вероятно, лучших произведениях Платонова — романах “Чевенгур” и “Счастливая Москва”, повестях “Котлован” и “Ювенильное море”, а также пьесе “Ноев ковчег”, с привлечением нескольких рассказов. Книга удачно разделена на главы, раскрывающие разные аспекты творческого мира Платонова, снабжена указателем имен, а также обширным и весьма внушительным списком литературы по затронутым в монографии вопросам.

Основная мысль автора связана с глубоким символическим смыслом, охватывающим корневую художественную идею Платонова, сформулированную писателем в заглавии его рассказа “Родина электричества”, переключка с которым стала основой и для названия труда Р. Ходеля.

Сильной стороной книги является метод исследования. Автор последовательно связывает сюжетные эпизоды в произведениях Платонова с фактами современной писателю общественно-политической жизни: реляциями ВКП(б), указами и статьями Сталина, передовицами ведущих газет. Это оправданный и продуктивный способ вскрывает аллюзивную связь между реальной общественной жизнью Советской России в 1920—1930-е годы и ответными произведениями писателя, в которых он остро реагировал, как правило, с немалой долей сарказма, на очередные безумные проекты полуграмотных советских бюрократов, формировавших тяжелые или просто человеконенавистнические проекты типа “коллективизации” или отмены свободы совести. Так, мысль Сталина о том, что диктатура пролетариата есть, по существу, “диктатура его авангарда”, “диктатура” его партии», связывается автором книги с жестокими действиями “активистов” “Чевенгура” и “Котлована”, анализ этой связи многое объясняет в прояснении того пути, который проделала мысль писателя при создании этих произведений. В книге Р. Ходеля верно подмечено, что никогда не стремившийся к какому-либо “модерну” и “авангарду” Платонов, тем не менее, стал одним из самых выдающихся представителей нового эстетического направления. Р. Ходель совершенно прав, когда говорит о том, что произведения Платонова — ответы писателя-философа на реальные события в жизни Советской страны. Конечно, для того чтобы Платонов не обратился в малопонятного для современника Еврипида, необходимо ставить глубокие философские экзерсисы Платонова в связь с окружавшим писателя общественно-историческим контекстом и учитывать его погруженность в парадигму

научно-технической революции начала XX века, одним из реальных участников которой он был и как писатель, и как инженер-изобретатель.

Р. Ходель верно ставит вопрос о глубочайших различиях, которые существовали между большевистской революцией и той “революцией”, о которой мечтал Платонов и которой в первые годы своей работы в Воронеже в роли мелиоратора и электрификатора он верно служил. Равным образом как котлован, который в повести Платонова строился по плану профуполномоченного, вовсе не совпадает с тем метафизическим “котлованом”, который на самом деле создают землекопы-философы, преобразователи “вещества жизни”. С революцией, как говорят платоновские герои-философы, подлинное “горе”, и они последовательно отходят в сторону от предписанной им сверху “генеральной линии” в направлении идеи по этико-экологическому преобразованию жизни на Земле, “ремонт” страдающего от безумного поведения людей “вещества жизни”. Только это, верил Платонов, путь к выведению страны и человечества к истине и подлинному счастью. Анализируя “Котлован”, исследователь указывает на характеры персонажей повести как варианты альтернативного действия, в котором, как и у героев Достоевского, идея и действие находятся в прямой непосредственной связи. Одни из них отходят от “партийной линии” (Чиклин), другие приближаются к ней (Сафронов), и это идеологическое кружение персонажей писателя многое открывает нам в сущности той трагедии, которая произошла со страной и народом в 1930-е годы.

Вопрос о том, на каком основании, почему и от чего “отмежевался” Захар в одноименном произведении “Отмежевавшийся Захар”, имеет принципиальное значение, которое подвергается глубокому осмыслению автором исследования. Изобретатель и рационализатор из народа Макар, который, чувствуя себя частью мирового “вещества жизни”, хочет жить и работать не для себя, но непосредственно в интересах “вещества”, пытаясь служить ему, помогая ему всеми средствами и как только можно, а затем умирает от переизбытка “настигшего его организованного счастья”. И здесь, как и всегда в подобных ситуациях у Платонова, перекрещиваются серьезное и ироническое, образуя неповторимый и характерный для писателя амбивалентный союз, ведь сливаясь с государственной машиной,двигающейся в прямо противоположном направлении, Макар обязан был погибнуть, как это и произошло с тысячами подобных ему людей, не сумевших свой творческий потенциал совместить с задачами официального социалистического

строительства в том виде, как их понимали в ЦК ВКП(б). Одним из таких людей был и сам Платонов. Рассказывая, что “Макар был член, и за то ему полагалась честь во время смерти”, вероятно, Платонов реализовал автоаллюзию: однажды на вопрос, не член ли он партии, писатель отвечал “Я ничего не член”. Характер и смысл иронии очень схожи.

Любимые персонажи Платонова находятся в маргинальной позиции, сохраняя человечность и “сокровенную” связь с Мирозданием, именно они являются носителями спасительной для человечества энергетической революции, уводящей мир от коллапса. Ходель верно замечает, что понятия “земля” и “вещество существования” являются корневыми категориями конструкции платоновского мироздания, дальнейшее структурирование этих символов идет по линии создания градуальных знаков по уровню энергетической насыщенности: “почва-земля-грунт-песок-глина”, этот широкий набор специфических знаков образует базовую систему смысловых ориентиров, в которых развивается сюжет произведения Платонова.

Рассматривая вопрос о “счастье” в понимании строителей котлована, Ходель указывает на связь с падением уровня страха в мировосприятии строителей, однако стоит заметить тотальное и безусловное бесстрашие героев-филосов Платонова в отношении “начальства” и, одновременно, трепетно-нежное отношение к “живой жизни”, воплощением которой является Настя. Эта закономерность прослеживается практически во всех произведениях писателя, мотивы действий персонажей определяются верностью основной идее спасительной миссии или отходом от нее. Иллюстрацией этому может служить разговор Жачева с “профуполномоченным” в “Котловане” или “спасительный” уход Прушевского из комфортабельной квартиры в землянку на дне Котлована.

Цитируя немецкого платоноведа Х. Гюнтера, Р. Ходель указывает на “котлован” как нечто вроде “вавилонской башни”, символизирующей жалкую попытку человека вступить в соревнование с Мирозданием. Здесь стоило бы прибавить, почему у Платонова эта “башня” направлена не вверх, а вниз, в то время как этот момент имеет более чем существенное значение как один из важных ориентиров в системе координат платоновского мира. На пути к решению этой проблемы Р. Ходель обращает наше внимание на то, что в сцене похорон Насти актуализирована глубина могилы и “вечность пород”, в которых устроено ее последнее пристанище. В связи с этим финалом повести можно согласиться с выводом автора книги, что революции “еще предстоит свершиться”, но

именно той революции “вещества жизни”, о которой мечтал Платонов, коммунистическая революция со смертью Насти должна признать свое поражение. “Котлован” и особенно сцены “коллективизации” и похорон Насти символизируют нравственно-энергетический коллапс “вещества существования”, который усугублен жестоким насилием со стороны “большевиков-активистов”, безуспешны попытки землекопов спасти ситуацию правильной копкой “грунта” (ничего другого им, к сожалению, не дано). В этом смысле повесть Платонова описывает начало энергетического апокалипсиса, который характеризуется остановкой времени, глубокой мутацией всего живого и др. признаками, описанными в сценах раскулачивания в “Котловане”. Действие повести протекает восемь дней, то есть гибель Насти происходит накануне “Конца Света”, в Понедельник мировой истории, идущий непосредственно за семью днями Творения. Раскрытие этой символики помогает многое понять в идее, вложенной Платоновым в это произведение. Р. Ходель верно замечает, что мысли Вощева, Чиклина и др. философов-землекопов устремлены к метафизическому миру, находящемуся далеко за пределами мира пролетарского, и гибель Насти как “посланницы” этого будущего не обещает ничего хорошего.

Счастье землекопов в этом произведении связано с верностью исполнения ими важнейшей роли в истории Мироздания, которая ждет от человека действий, спасающих его от гибели, верно отмечает исследователь. Так, Чиклин убивает активиста-большевика с точно такой же мотивировкой, с какой чевенгурцы-большевики убивают “буржуев”: “для собственного сознательного счастья” от выполнения своей миссии, устраняя помеху на пути к созданию правильного нравственно-энергетического баланса Мироздания. Другое дело, что Чиклин прав в своих действиях, совпадая с автором в понимании верности этого пути, а Пиюся трагически ошибается. Корневым словом во всех случаях такого рода является “устранение” помехи, большевики выполняют дело очистки Земли от “паразитов”, мешающих воплощению “счастья”, которое само оказывается под большим подозрением, учитывая средства, которыми оно достигается. Здесь Платонов является прямым продолжателем идей Достоевского, герой которого также пролил кровь ради “счастья всех людей на Земле”. В фанатическом исполнении недодуманной идеи состоит трагическая подоплека действий героев “Чевенгура”, а заодно и советских большевиков в 1920–1950-е годы, когда геноциду подвергались самые образованные люди, одним

только уровнем самосознания автоматически выпадающие из понятия “пролетариат”.

Вне сомнений, Платонов как непосредственный участник электрификации страны был ментально и практически связан с проектом ГОЭЛРО, однако корни его идей об энергетическом преобразовании России лежат все же за пределами политико-социальных проектов большевиков, они в глубоком погружении писателя как философа и практика борьбы с энтропией в круг идей Максвелла, Резерфорда, Эйнштейна и других ученых, открывших новые законы отношения между веществом и энергией. Р. Ходель справедливо отметил, что у Платонова не было разделения на “работу”, “внутренний мир”, “общественную жизнь”, “семью”, — все эти разделы бытия, у обыкновенного человека часто вступающие в конфликт между собой, у Платонова сливались в единое целое, и в этой цельности мироощущения, откровенности и честности перед собой и людьми коренилось основание его таланта.

Относительно “махинаций” Чепурного и Прокофия в “Чевенгуре”, которые, по мнению исследователя, “получают негативную авторскую оценку”, следует сделать уточнение: негативную оценку получают у Платонова не сами большевики, такие же несчастные люди, как и их жертвы, но человеконенавистническая идеология большевизма, физически уничтожающая лучших людей страны, попавших в шовинистическую категорию “буржуев”, но, одновременно, калечащая души “официальных революционеров”, переводя их “ярость благородную” в русло функций палача. Р. Ходель ставит вопрос: насколько необходимо было для установления “социализма” в Чевенгуре уничтожение всех его жителей? Изнутри той идеи, которой были зомбированы чевенгурские большевики, не имевшие образования как самой возможности критического к ней отношения, необходимо строить «социализм». По их представлениям — это энергетическая полнота “вещества существования”, “буржуи” же с их отрицательным энергетическим сальдо в отличие от “пролетариев”, имеющих положительный энергетический прирост, тянут историю вниз, еще более угнетая и так уже близкое к смерти “вещество существования”. Оставляя в стороне аргументацию этой безумной концепции, выработанной в рамках своеобразной модели шовинизма, требующего геноцида “одних” ради преуспевания “других”, следует заметить, что особой бедой в гибели “буржуев” чевенгурцы и не видят: согласно их логике, отвечая на их усилия, “вещество существования” легко возместит недостаток населения в Чевенгуре, что и происходит при прямом рождении “пролетариев”

непосредственно из плоти холма в окрестностях города. Суицидальное направление ветвей “установления социализма” или “коллективизации” у Платонова связано эстетически с остановкой времени и Апокалипсисом, о чем много писалось разными исследователями. Но на уровне психологии поступки большевиков необъяснимы, однако, если взять на вооружение известную идею Достоевского о страшном феномене — русском человеке, “придавленном идеей”, многое становится понятно.

Вызывает некоторые сомнения предположение автора книги, что «“Чевенгур” еще можно прочесть как социальную утопию». Разумеется, теоретически возможно прочтение как социальной утопии и романа Е. Замятина “Мы” или “Обитаемого острова” братьев Стругацких, жанрово и идеологически параллельных “Чевенгуру”. Теорема Х.-Р. Яусса учит нас, что окончательное решение и оценка всегда на стороне читателя. Однако ясно, что оба произведения — жесткая отповедь любой попытке установить с помощью насилия “общественное счастье”, где гибнет в человеке творческое начало и он обращается в зомбированного “члена” государственной системы и несомой им идеи о “научно обоснованной социальной гармонии”. Неслучайно, верно отмечает Р. Ходель, любимый сюжет Платонова — о моральной и творческой деградации одаренного человека, входящего своим умом и сердцем в бюрократическую машину, которая отказывается от человека и приучает его к “закону”, заставляя, говоря словами персонажа, отказаться от себя и “встать в строй”.

Исследователем верно замечено, что в лице ряда героев “Чевенгура” сталкиваются несколько версий в понимании коммунистической идеи. Отклонения эти суммируют размышления и художественный анализ писателя общественной ситуации в стране, когда “одурь коммунизма”, как говорил Достоевский, неожиданно стала “генеральной линией” и обрела характер религии. Важно не только описанное Платоновым идеологическое противостояние “еретических” вариантов коммунистической идеологии, но и реальное противостояние ей самого Платонова, описанные им многочисленные коммунистические энтузиасты есть воплощенная в художественную форму тяжкая мысль писателя о том, как такое могло быть возможно. Его личное отношение к “генеральной линии” совпадало с ней лишь в самом начале 1920-х годов, но затем, по мере углубляющейся пропасти между этико-энергетической революцией Платонова и политической революцией ленинско-сталинского типа, произошел резкий и бесповоротный отход от нее.

Верно замечает исследователь, что, как и Макар, Платонов вышел из советской парадигмы в 1926 г. и никогда более к ней не возвращался, разве что в сюжетах произведений, где эта действительность, реальная и тем более планируемая, подвергалась беспощадному осмеянию и критике, прикрытым нарочито серьезным тоном, который может обмануть разве что очень уж наивного читателя. Приходится безусловно согласиться с автором книги, что разного рода обвинения, которые выдвигают против Платонова его политические противники, особенно это касается частых и у современных исследователей упреков в симпатиях к анархизму, выглядят безосновательно. Платонов чурался официальных политических программ начиная с 1926 года, когда окончательно разочаровался в их способности быть путеводной нитью к будущей экологической и нравственно-энергетической гармонии, о которой он мечтал, понимая, что ему при жизни этого не увидеть, однако никаких иных альтернатив человечеству, чтобы выжить, не предложено.

Особо стоит отметить предлагаемое в исследовании аналитическое рассмотрение идеологии и поэтики пьесы “Ноев ковчег”. По мнению автора исследования, это отражение “кризисного сознания” и, вместе с тем, в продолжение той же темы, какая была свойственна довоенным платоновским произведениям, — протест против насилия над человеком и опошления смысла его жизни с помощью отношений купли-продажи, безраздельно царствующих там, где их быть не должно. Р. Ходель обнаруживает в идеологии пьесы три основные критические стрелы, направленные на послевоенную политику США, советскую действительность и опошленную модель “либерализма”. Такое прочтение заставляет предположить, что Платонов сосредоточился в пьесе преимущественно на социально-политической проблематике. На самом деле, показывает исследователь, все обстоит сложнее: общественно-политическая тематика пьесы — лишь завеса на глубинной, прорывающейся сквозь нее любимой этико-экологической проблематике, которая выступает в пьесе как главное, которое почти заслонено, по цензурному умыслу создателя, густым политическим нарративом. В связи с этим вспомним диалоги героев о растениях и животных, странные “звуки”, которые источает угнетаемое глупостью и жадностью человека живое “вещество существования”. Антиамериканизм Платонова, как и сходный с ним по сути антиамериканизм Е. Замятина, В. Маяковского, И. Бунина и многих других русских писателей, вовсе не связан с утверждением “советскости” как некой позитивной альтернативы ненавидимому ими “царству денег”. Царство параноидальной заикленности на учении

К. Маркса, весьма популярного в XIX веке, но безнадежно устаревшего уже к началу века XX-го, было для Платонова ничем не лучше.

Анализируя “Ноев ковчег”, Р. Ходель справедливо протестует против привязывания Платонова к той или иной политической доктрине, констатируя его “резко критическое отношение... ко всему, что связано с <...> политикой”, проводя аналогию между пьесой Платонова и “Мистерией-буфф” Маяковского, разумеется, особое внимание уделяя фигуре воплощения идеи милитаризма, Шопу, идеология которого сводится к “доставлению себе радости” и убеждению, что “весь мир — трактир”. Отрицая мещанскую идеологию, Платонов отдает себе отчет в том, что относительно демократического уровня развития Россия застряла, как указывает исследователь, на “промежуточной”, “ублюдочной” стадии развития. В пьесе звучит вопрос, который задает героиня, носящая имя матери первого убийцы в библейской истории, Евы: “Неужели, чтобы быть человеком, надо быть убийцей?”. Положительные герои пьесы несут идею торжества жизни, идеологию соединения в одно целое христианских заповедей и высших достижений теоретической и экспериментальной физики, что и составляло сердцевину мировоззрения Платонова. Героями-философами писателя и им самим владела мысль об обновлении планеты и всего живого на ней с глубоким социальным и этико-экологическим преображением. Мысль, которая выглядит утопической, но которая была выстрадана Платоновым, и он свято верил в ее верность и осуществимость в будущих поколениях человечества вплоть до последних дней своей жизни, действительно, как верно указывает Р. Ходель, по руслу идеи Н.Ф. Федорова о спасительном для всего живого “общем деле”, которое должно обратить людей в братьев.

Цитируя письма Платонова, Р. Ходель указывает на центральную идею Платонова — любовь как метафизическую силу, способную на очень многое; иногда писатель даже говорил о ней как о виде физической энергии, способной преобразовывать “вещество существования”. Фактически повторяя основную идею “диалога” М.М. Бахтина, Платонов говорит: “Меня нет — есть вы”. Основную идею “Ноева ковчега” Р. Ходель видит в утверждении Платоновым мысли о наличии в составе человечества людей, “которых можно любить бесконечной любовью”, что присоединяет автора пьесы к сонму русских писателей и философов, которые выстраивали свои жизненные и творческие пути в соответствии с этой идеей.

Идея Платонова об этическом, экологическом и энергетическом преобразовании, в рамках которой

“ремонт” должны были подлежать и социальные системы, и тела людей, и сама планета Земля, выпала из советской идеологической парадигмы в 1926 г. и составила с ней жесткое и совершенно непримиримое противоречие. Несмотря на осознаваемое писателем безразличие к его этико-энергетической идее со стороны официальных властей, Платонов до конца дней своих гнул эту линию, сражаясь с наступающей на мир энтропией и на уровне идеологии, противостоя усилиями своих персонажей идее разрушения, “мертвой природы” и “мусорного ветра”, и на практике как инженер-изобретатель в обычной жизни, идеологических и художественных концепциях. Конечно, и это верно отмечает автор книги, свет, эфир, энергия ветра были предметом особого внимания Платонова, и этот его взгляд опередил развитие человеческой цивилизации минимум на полвека. Писатель-философ, он ратовал за преобразование в полезную для человечества энергию Солнца, передачу электричества без проводов (пророчество Платонова, осуществленное в наше время), помимо художественных пророчеств, был автором девяти запатентованных технических изобретений. Его в равной степени терзали и факты коррозии металла, с которой боролся его персонаж, смазывая маслом все встреченные им металлические предметы, и факты моральной коррозии государственного аппарата, явления коррупции и ведущего к огромным бедам чиновничьего “административного восторга” (“Город Градов”), пишет исследователь. Здесь стоит упомянуть, что глубокий сарказм по отношению к “централизаторам”, отмеченный Р. Ходелем в произведениях Платонова, в русской литературе имеет предшественника — именно так называл Ап.А. Григорьев бюрократов-активистов, которые у Платонова обозначались словосочетанием “рвущаяся вперед сволочь”.

Что касается приведенного автором книги замечания В. Ерофеева о том, что Платонов и Гоголь были идиотами, так как не представляли себе, насколько гениальны их произведения, стоит отметить, что идиотом, вероятно, является именно тот писатель, который знает, что создает исключительно шедевры. Настоящий писатель не отличает “поражений от побед”, как верно заметил Б. Пастернак, действуя, не зависимо ни от какой точки зрения на него и на его произведения, сугубо в пределах своей художественной и философской концепции. К сожалению, в книге есть и другие (к счастью, немногие) примеры некритического цитирования автором коллег по цеху платоноведения, особенно это грустно, когда эта нечеткость извлекается им из работ русских исследователей. Так, он подхватывает весьма спорное утверждение Е. Яблокова, что

“язык — главный герой Платонова”. Ну разумеется, не герой, который является в литературном произведении персонификацией определенной (остраненной) точки зрения на мир, но высшим его эстетическим достижением, системой знаков и носителем художественной информации.

Языковые эксперименты Платонова Р. Ходель определяет как языковое “юрорство”: в нем сталкиваются законы и принципы устройства запредельного мира, в котором живет юродивый, с правилами нашей бытовой реальности — с неизбежным конфликтом между ними, диссонансами понимания, когда слово получает два значения: глубокое символическое, вкладываемое в него Платоновым, и условно-словарное, обладающее тем смыслом, который можно найти в словаре или справочнике и, одновременно, весьма далекое от того, что хотел сказать писатель. Это обостренное двуединство, считает Р. Ходель, помогает автору добиться нужного художественного эффекта, образуя значительную шкалу уровней понимания, — Платонова можно читать по-разному. И ведь действительно, до сих пор некоторые учителя на уроках литературы рассказывают о “Котловане” как описании социалистической стройки и процесса раскулачивания, не отличая фавулу от сюжета.

В книге Р. Ходеля содержится немало тонких наблюдений и замечательных смысловых находок. Весьма убедительно доказано сходство между концепцией “бюрократизма” Шмакова (“Город Градов”) и теоремой М. Вебера (“Хозяйство и общество”) с его формулой “легального господства” и сознательным подчинением человека государству, которое легализуется в силу рационального распределения должностных обязанностей, а также в “традиционной” и “харизматической” моделях, последняя основана на авторитете вождя. Возможно, Платонов мог знать об этих трудах и использовать их в творческой работе, рисуя в своей повести образ “талантливого бюрократа”. Тонкие соображения высказаны исследователем о роли несобственно-прямых речевых оборотов в поэтике Платонова. В книге содержатся также чрезвычайно интересные главы, посвященные сопоставлению творчества Платонова с произведениями Л.Н. Толстого, Кафки, Р. Вальзера. Все это делает книгу Р. Ходеля крупным явлением в области изучения творчества А. Платонова, которое заслуживает внимания со стороны не только исследователей русской литературы, но и студентов, учащихся филологических факультетов, всех любителей русской литературы.

К.А. Баршт

*Доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. адм. Макарова, д. 4
konstantin_barshht@pushdom.ru*

*Konstantin A. Barsht
Doct. Sci. (Philol.),*

*Leading Researcher at the Institute of Russian Literature
(the Pushkin House) of the RAS,
4 Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
konstantin_barshht@pushdom.ru*

Дата поступления материала в редакцию: 3 июля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 15 июля 2022 г.

Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.

Дата публикации: 31 октября 2022 г.

Received by Editor on July 3, 2022

Revised on July 15, 2022

Accepted on August 31, 2022

Date of publication: October 31, 2022

Для цитирования: Баршт К.А. (реценз.) Ходель Р. Андрей Платонов: родина и электричество / Роберт Ходель; Международный Платоновский семинар. М.: Полимедиа, 2021. 206 с.; (Поэтика Андрея Платонова; вып. 5) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 115–120. DOI: 10.31857/S160578800022751-2

For citation: Barsht, K.A. (Rev.) *Hodel R. Andrey Platonov: rodina i elektrichestvo. Robert Hodel; Mezhdunarodnyj Platonovskij seminar. M.: Polimedia, 2021. 206 s.; (Poetika Andrey Platonova; vyp. 5) [Review:] Hodel R. Andrey Platonov: Homeland and Electricity. Robert Hodel; International Platonic Seminar. Moscow, Polymedia, 2021. 206 p.; (Poetics of Andrey Platonov; issue 5) [In Russ.]. Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 115–120. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022751-2*